

О РАЗНЫХЪ ВОЕННЫХЪ РАЗНОСТЯХЪ ¹⁾.

Объ анонимахъ.

Мнѣ рассказывали, что одинъ (къ счастью [не такъ чтобы очень высокій) начальникъ, собравъ ротныхъ командировъ и бесѣдуя съ ними о томъ, какъ слѣдуетъ вести роты, между прочимъ, далъ совѣтъ, по собственному опыту, приносившему ему блестящіе результаты, заводить всегда въ ротѣ свои «глаза и уши...» «Тогда вы все будете знать и ничего неожиданнаго для васъ не будетъ».

Я готовъ даже привѣтствовать этого начальника, ибо онъ, хотя видимо, не понимаетъ что проповѣдуетъ, но хоть открыто рекламируетъ совершенно недопустимый по существу способъ ознакомленія съ частью.

А сколько такихъ, которые, исповѣдуя тотъ же принципъ, помалкиваютъ и въ тишинѣ «знакомятъ» съ подчиненными главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, собираемыхъ «глазами и ушами».

Не знаю, какъ кому кажется, но, по моему, въ военной средѣ, гдѣ должно воспитывать и культивировать рыцарскія чувства: благородство, честность, правдивость... не мѣсто такой системѣ, ибо она приводитъ къ явнымъ словеснымъ и письменнымъ доносамъ и къ анонимамъ, къ паденію благородства, рыцарскаго духа, а съ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 12. 1911 г.

этимъ и духа вообще, что будетъ поважнѣе неумѣнья разворачиваться въ боевой порядокъ или даже неудачнаго смотра стрѣльбы.

Коснувшись этого вопроса, невольно наталкиваешься на вопросъ объ «анонимахъ». Всякій, кому не лѣнь, обидѣвшись на своего начальника, поймаетъ одинъ-два его промаха... исказить... прибавить... и... донесетъ... Теперь еще стали прибавлять угрозы, что «если вы, молъ, не дадите хода этимъ заявленіямъ, то мы сообщимъ въ Государственную Думу, или сенатору NN (ревизиующему)».

Явленіе это крайне грустное, свидѣтельствующее о разложеніи арміи. Надо оздоровить ее, искореняя всякія, съ позволенія сказать, подловатыя отношенія въ ея средѣ. Необходимо учить и воспитывать въ благородствѣ, а потому рѣзко отличать доносчиковъ по призванію или по своимъ мелкимъ обидамъ и честолюбіямъ, каковыми они въ большинствѣ случаевъ и являются, отъ доноса, имѣющаго, такъ сказать, «государственное» значеніе. А анонимы должны отправляться получателемъ прямо въ печку. Если же по нимъ производить гласныя и негласныя разслѣдованія, то надо заранѣе поставить крестъ на облагораживаніи арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на поднятіи ея доблести, ибо доблесть неразрывна съ благородствомъ души; разборомъ же доносовъ мы даемъ нездоровую пищу своей же арміи. Надо это бросить...

Питайте армію лишь здоровою пищею, развивайте духъ бодрый, свѣтлый, благородный, рвеніе къ подвигу, не во имя личной выгоды и карьеры, а во имя самого подвига, во имя пользы родины!

Воспитывайте въ благородствѣ и, какъ частная мѣра, не жалуйте доносчиковъ по призванію, а анонимы бросайте въ печку.

Воспитывать въ благородствѣ—какая великая, какая благодарная задача для начальника! Неужели она меньше, чѣмъ указаніе, что нижніе чины N-наго полка N-ной роты неправильно держать на караулъ?

Нѣтъ, гг. начальники, предоставьте мелочи мелкимъ начальникамъ, а займитесь крупнымъ, въ томъ числѣ и возстановленіемъ духа, благороднаго, свѣтлаго, радостнаго... духа рыцарства, доблести. Безъ доблести нѣтъ побѣды, а доблести нѣтъ мѣста среди грязныхъ мелкихъ чувствъ: она питается благородствомъ души.]
Воспитывайте же въ благородствѣ!

О воспитаніи.

„...Наша молодежь страдает самымъ положительнымъ образомъ...“

„...Источникъ этого недуга слѣдуетъ искать въ общемъ кризисѣ, переживаемомъ нашей эпохой. Скептицизмъ, реализмъ, искусственная жизнь—проходящіе результаты современной цивилизаціи—создаютъ грустную воспитательную среду. Человѣчество не можетъ преуспѣвать на этой почвѣ. Оно осуждено на матеріальныя и духовныя лишенія, которыя его обезцвѣчиваютъ, создаютъ ему тусклую юность и раннюю, преждевременную старость...“

„...Мы ушли отъ источниковъ и должны къ нимъ вернуться...“

Изъ предисловія К. Вагнера къ его книгѣ „Молодежь“.

„...Мы обыкновенно представляемъ себѣ человѣчество шествующимъ по безконечному пути, на которомъ каждое поколѣніе оставляетъ свой слѣдъ. Отсюда получается выводъ о постоянномъ поступательномъ движеніи по всей линіи. Но это представленіе и невѣрно и опасно. Въ движеніи человѣческихъ обществъ бывають не только моменты остановки и возвращенія назадъ, но и весьма значительныя перемѣны въ направленіи. То, что является идеаломъ въ данныя эпохи, можетъ быть оставлено безъ вниманія другими, даже затоптано ногами и заброшено грязью, и тѣмъ не менѣе обѣ эти эпохи, каждая по своему, содѣйствуютъ исторической эволюціи...“

К. Вагнеръ. „Молодежь“.

„...Просвѣщайся, сколько хочешь, мысли, что хочешь, но не ставь свое „я“ выше тысячелѣтняго опыта исторіи и не ставь свой мозгъ выше соборнаго мозга и выше соборнаго чувства человѣчества. Не ставь Европу выше міра, человѣка выше Бога...“

Сыромятниковъ (Сигма). Опыты русской мысли.

„...Изъ противорѣчій соткана душа русской интеллигенціи...“

и далѣе. „На ряду съ чертами отрицательными, представляющими собою симптомъ некультурности, исторической невѣрности... въ страдальческомъ ея (рус. интел.) обликѣ просвѣчиваютъ черты духовной красоты...“

Изъ сборника „Вѣхи“; статья Булгакова: „Героизмъ и подвижничество“.

Обратимся сначала къ историческимъ справкамъ въ самомъ конспективномъ видѣ.

Русь первой половины XIX вѣка жила еще патріархальнымъ укладомъ. Традиціи проникали все, всю жизнь всѣхъ: и высшихъ классовъ и всего вообще дворянства, духовенства, купечества, крестьянства... Жизнь была размаха широкаго, иногда, можетъ быть, не въ мѣру разгульная, но чувство любви къ родинѣ крѣпко сидѣло въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, несмотря на то, что общество наше «было заражено своеобразнымъ гуманизмомъ француз-

скихъ энциклопедистовъ, міръ ставило впереди отечества ²⁾), и несмотря на распространявшійся поэтому космополитизмъ. Вспомнимъ хотя бы Отечественную войну, столѣтіе которой мы скоро будемъ праздновать, и сравнимъ ее съ послѣднею Русско-японской войною: въ 1812 году на врага поднималось все, это было явленіе стихійное, а въ 1904—1905 гг. находились русскіе люди, которые радовались своимъ же русскимъ пораженіямъ и даже посылали сочувственныя телеграммы главѣ государства, съ которымъ вела войну ихъ родина.

Широкое общеніе нашей военной молодежи за границу со всякими общественными слоями (походы 1813—1815 г.г.) поддало, что называется, жару нашему склонному къ либеральничанью и космополитизму обществу, что, въ концѣ концовъ, вылилось въ извѣстномъ движеніи декабристовъ. Движеніе это, однако, не встрѣтило сочувствія и понемногу глохло. Въ дальнѣйшемъ передовые русскіе люди и оставались таковыми, т. е. людьми русскими сердцемъ, умомъ, духомъ, любящими свою родину, глубоко и духовно съ нею связанными. (Пушкинъ—Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина, Къ тѣни полководца, и др.).

Въ шестидесятыхъ годахъ начинаютъ появляться признаки революціоннаго броженія и сразу же сказывается не русскій, а навѣянный со стороны, духъ. Подобно тому какъ въ современныхъ лѣвыхъ русскихъ партіяхъ включаются чуть-ли не въ голову параграфы о равноправіи евреевъ, такъ и въ вышедшихъ въ 1862 г. листкахъ тайнаго общества «Великороссъ» въ числѣ нѣсколькихъ пунктовъ вторымъ стояло требованіе о полномъ отдѣленіи Польши. Такимъ образомъ, сразу-же ярко сказалась типичная способность русскаго человѣка подпадать подъ постороннее вліяніе, подъ опеку болѣе ясно охватывающаго и понимающаго всю реальную обстановку инородца.

Причины этой легкости подпаданія подъ чужое вліяніе и необходимости постоянной опеки лежатъ, съ одной стороны, повидимому, въ глубинахъ нашей исторіи («Мнѣ сдается: такая потребность лежать „то предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ на вчерашнемъ основана духъ». Гр. А. Толстой. Потокъ Богатырь).

До сихъ поръ даже въ тѣхъ вещахъ и вопросахъ, гдѣ нужна самодѣятельность, наши лѣвые обвиняютъ правительство, т. е. какъ

²⁾ Статья М-е «Нов. Время» 25-го іюля № 12703.

разъ ту опеку, безъ которой мы сами не умѣемъ, кажется, ступить и шагу.

Кромѣ того, мягкосердечный русскій интеллигентъ способенъ быстро размякать, если его тронуть жалостливостью, особенно на гражданскіе мотивы.

Однако возвратимся къ общественному движенію. § Первоначально движеніе это ставило въ основу своихъ соціальныхъ измышлений русскій народъ, крестьянство. Вскорѣ параллельно съ этимъ нарождается и другое направленіе съ обще-соціалистической и даже террористической окраской. Возникаетъ цѣлый рядъ кружковъ, теорій, толковъ, нерѣдко враждующихъ другъ съ другомъ.

«Новыя» вѣянія отражаются прежде всего на литературѣ, въ частности—критикѣ и вообще въ искусствѣ. «Полезное» возносится на пьедесталь: «сапоги полезнѣе Пушкина».

Однако дѣятели движенія подмѣтили двѣ черты русскаго народа: его патріотизмъ и его вѣру. Пугачевъ подъ своимъ именемъ не имѣлъ бы такого успѣха, какъ подъ именемъ Государя Петра III. Первымъ революціонерамъ казалось опаснымъ затрагивать вѣру (за нее принялись лишь въ послѣднее время, когда героевъ книги «Наше преступленіе» стало побольше) и они обратили вниманіе на подрывъ въ массахъ патріотизма. Выставить его проявленіе въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ, снабдить оскорбительнымъ эпитетомъ, влить каплю яда сомнѣнія въ его цѣлесообразности — вотъ простыя, «наивныя» средства, оказавшіяся, однако, вполне достаточными для подрыва у насъ этого величайшаго блага культурныхъ государствъ.

Укажемъ на одну нашу особенность: мы страшно боимся смѣяться вообще, а особенно боимся и стыдимся самаго безобиднаго смѣха надъ нами. Если мы случайно попадемъ въ смѣшное положеніе, то, вмѣсто того, чтобы самому первому посмѣяться и тѣмъ парализовать смѣхъ постороннихъ, мы теряемся, смущаемся и положеніе наше дѣлается еще хуже, еще комичнѣе. Но нѣтъ, кажется, большаго не только стыда, но прямо ужаса, когда насъ заподозрятъ въ «отсталости». Интеллигентовъ, а особенно полунинтеллигентовъ на эту удочку и ловятъ. Это свойство сыграло роль и въ разрушеніи патріотизма. Походъ противъ него былъ удаченъ и привелъ во время Русско-японской войны къ такимъ фактамъ полнаго разложенія не только чувства патріотизма, но и государственной и просто нравственной порядочности, какіе, конечно, не

могли имѣть мѣста ни у одного культурнаго народа запада. Вспомнимъ, что социалисты Германіи открыто заявляютъ, что если на Германію нападутъ враги, то всѣ социалисты станутъ на защиту отечества. А у насъ?

Революціонное движеніе, конечно, не могло ограничиться только болѣе или менѣе интеллигентной средой: его дѣятелямъ необходимо было революціонировать массы. Это было сознано давно и выразилось такъ называемымъ «хожденіемъ въ народъ» интеллигенціи, тлетворный духъ которой и ядъ ненависти были привиты въ достаточной мѣрѣ и русскому народу. Неоднократныя народныя (т. е. крестьянскія) волненія тому доказательство, ибо нѣтъ ничего легче, какъ замутить темную массу нашего крестьянства.

Помимо политическихъ движеній, съ 60-хъ годовъ наблюдается и значительная экономическая эволюція.

Рѣзкое паденіе благосостоянія дворянства вызвало для него необходимость не земельного, а какого нибудь иного труда, гдѣ оно поневолѣ сталкивается съ другими классами и вступаетъ съ ними въ конкуренцію или соглашенія. Освобожденное крестьянство, привыкшее къ опека и постоянному указанію, не подготовленное къ самодѣятельности, быстро и неумѣло набрасывается на эксплуатацію *своей* земли, *своего* лѣса, *своихъ* водъ и въ конечномъ выводѣ—мало земли, рѣки обмелѣли, лѣсовъ нѣтъ, рыба изведена. Увеличившееся населеніе не можетъ кормиться только землею, и начинается отходъ сначала на ближайшіе фабрики и заводы, а затѣмъ все дальше отъ своей деревни, сосредоточиваясь въ столицахъ и крупныхъ городахъ. А съ этимъ и у насъ появляется всякаго рода «пролетаріатъ».

Какъ же реагировала на всѣ эти движенія молодежь? Конечно, ее всегда увлекаетъ все новое и, конечно, она и въ этомъ не отставала, а шла впереди. Базаровъ и Волоховъ еще скромно разрушали традиціи, другіе шли дальше... Неужто же молодежь бросается только на новшества? Нѣтъ, будемъ справедливы. Экспансивность натуры заставляетъ молодость «вѣрять»... Не имѣя опыта, знаній, способности критики, и обратно, имѣя русскую способность подпадать подъ вліяніе и руководство не только людей, но и ходячихъ доктринъ и понятій, молодежь, со свойственнымъ ей возрасту азартомъ и пыломъ, набрасывается на формулы, принять которыя ей ничего не стоило и казалось такъ заманчиво. «Вы еще вѣрите въ авторитеты?» проницески спрашивалъ въ былые годы вдохновитель и руководитель... «Долой авторитеты!»

уже вопилъ вопрошаемый молодой человѣкъ. Вѣдь стыдно отвѣтить на этотъ вопросъ: «да, я вѣрю въ авторитеты». Лучше я закричу «долой». Тогда не прослышу отсталымъ человѣкомъ... А молодости еще обиднѣе прослыть отсталымъ.

Но неужто же всѣ эти коммуны, всѣ эти сдѣлки съ собственной совѣстью, все это разрушеніе традицій жизни своихъ отцовъ, разрушеніе вѣры, прошли для молодежи безслѣдно, такъ легко и спокойно? Нѣтъ, далеко нѣтъ! Первые изъ дѣятелей—еще съ нерасшатаанными сравнительно крѣпкими нервами разрѣшали вопросъ зачастую весьма просто: попадая на «казенное» мѣсто, бросали всякія «мечтанія» и становились весьма исправными чиновниками. Не даромъ гр. А. Толстой рекомендовалъ средство:

„Повѣсить Станислава
Всѣмъ вожакамъ на шею“.

Но въ концѣ концовъ (поколѣніе отъ поколѣнія) нервы поистрепались, теоріи оказались жалкими утопіями, мечты и надежды были разбиты, ибо таковыя совершенно не отвѣчали самой жизни. Такія переживанія были и на западѣ, но, къ сожалѣнію, мы—русскіе, вслѣдствіе нашей душевной слабости, говоря тривиально, раскисли, размякли. При такихъ условіяхъ естественно, что душа русскаго интеллигента, особенно молодого, оказалась опустошенною; ей нечѣмъ стало жить: жизнь пуста, безцѣльна...

Съ другой стороны — едва только нарушился патріархальный укладъ жизни, какъ сразу повысились требованія отъ жизни и, главнымъ образомъ, среди средняго и низшаго классовъ. Мнѣ приходилось видѣть въ провинціальныхъ городахъ, какъ пріѣзжавшіе изъ «бѣдныхъ» деревень крестьяне покупали своимъ женамъ и дочерямъ золотыя украшенія и шелковыя матеріи, платя такія деньги, какія многимъ не по карману.

Возрастаніе потребностей привело къ тому, что жизнь становится все дороже и дороже, а вмѣстѣ съ этимъ стало труднѣе жить, труднѣе зарабатывать деньги. Правда—комфортъ и удобства распространились въ массахъ, но въ общемъ экономическія условія жизни вызвали съ одной стороны зависть и озлобленіе «бѣднаго» противъ «богатаго», а съ другой стороны — власть денегъ и капитала... Экономическія «трудности» жизни еще болѣе обезцвѣтили существованіе.

Наконецъ самое «просвѣщеніе», долженствовавшее по теоріи улучшить жизнь вообще, не достигло цѣли, не дало даже крупицы счастья человѣку; произошло это главнымъ образомъ потому, что люди полагали, что просвѣщеніе есть нѣчто самодовлѣющее, а «просвѣщенные» русскіе люди стали ставить свое «я» выше тысячелѣтняго опыта исторіи, Европу выше міра, человѣка выше Бога (см. эпиграфъ изъ «Опытовъ русской мысли»).

Всѣ вышеуказанныя условія во всей совокупности привели къ цѣлому ряду противорѣчій въ русскомъ интеллигентѣ. Я повторяю—душа его опустошена неправильно развивающейся жизнью.

Результатъ — увеличеніе числа самоубійствъ, спускающееся все болѣе и болѣе къ низшимъ классамъ и къ болѣе юному возрасту.

Въ заключеніе я долженъ оговориться: неправильное и подчасъ даже уродливое развитіе общественной жизни не есть явленіе специфически наше, русское. Мои эпиграфы изъ книжки Вагнера доказываютъ, что тѣ же явленія «ухода отъ источниковъ», отъ простыхъ радостей жизни, замѣчаются и среди другихъ европейскихкихъ народовъ, но надо имѣть въ виду, что народы запада пережили въ теченіе вѣковъ то, что мы — русскіе въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Русская женщина, нищія и Илья Муромецъ.

О русской женщинѣ написано столько восторженныхъ статей и книгъ, что доказывать ея величіе, а особенно ея готовность къ подвигу, не приходится, но я хотѣлъ бы подчеркнуть, что мой эпиграфъ изъ статьи г. Булгакова по отношенію къ интеллигенціи вполне подходитъ и къ русской женщинѣ и можетъ быть повторенъ передъ этой главой.

Въ русской женщинѣ чудодѣйственно переплелись самыя противоположныя качества: наивность, идеализмъ, мягкосердечіе, величіе души, жажда подвига, самозабвеніе—съ мрачнымъ реализмомъ, даже жестокостью, мелочностью, съ безшабашностью, съ крайне своеобразнымъ пониманіемъ «подвига»... Словомъ, все самое противоположное и казалось бы несомвѣстимое—ангелъ и демонъ—совмѣщается и одновременно уживается въ русской женщинѣ. И это—мать русскаго человѣка. Отсюда—вѣчное противорѣчіе въ душевномъ складѣ русскаго интеллигента, кромѣ высказаннаго въ предыдущей главѣ, есть еще и явленіе прирожденное.

Восхваляютъ великость сердца русской женщины. Я не оспариваю ея талантливости (въ настоящее время писательницы пишутъ лучше, чѣмъ писатели), громаднаго запаса душевныхъ ея силъ и другихъ ея качествъ, но она зачастую «слабая» мать, непонимающая дурныхъ инстинктовъ и пороковъ въ «своихъ» дѣтяхъ, все имъ прощающая и заботящаяся главнымъ образомъ о томъ, чтобы ея ребенокъ не простудился, не разбился и хорошенько наѣлся. Но постоянная дрожь за ребенка, какъ бы съ нимъ чего не случилось, всѣ эти ахи и охи въ его присутствіи не остаются безъ слѣда на ребенкѣ. То нельзя войти въ темную комнату, потому что тамъ «бука» или можно ушибиться, то нельзя влѣзть на дерево, потому что можно свалиться и убиться, или нельзя поѣхать на лодкѣ, такъ какъ можно утонуть—все это передается ребенку, и въ конечномъ результатѣ, когда ребенокъ выросъ, у него является переоцѣнка своей особы и боязнь всего, что можетъ повредить этой драгоценной особѣ, физическая и нравственная слабость и неустойчивость, больное тѣло, а отсюда дряблость душевныхъ порывовъ и движеній. Замѣчено, что поколѣніе отъ поколѣнія становится все хилѣе и хилѣе и даже просто трусливѣе.

Я прожилъ всю революцію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и долженъ сознаться—восторгался мужествомъ тамошняго дворянства, когда многіе изъ нихъ пали, защищая свои гнѣзда по одиночкѣ противъ цѣлыхъ хорошо вооруженныхъ бандъ, и съ грустью читаль, какъ въ центрѣ Россіи одинъ разбойникъ на пароходѣ кричалъ «руки вверхъ», и всѣ пассажиры покорно поднимали руки и давали себя ограбить.

И вотъ теперь и у насъ начинается поворотъ: проповѣдуются всѣ виды спорта, которые и возвращаютъ молодежь на тотъ путь, по которому она должна бы двигаться въ физическомъ отношеніи.

Кромѣ сказаннаго, русская женщина почти всегда гражданка и чувства ея рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ у мужчинъ. А такъ какъ ее легко подбить на жалость, то всякіе гражданскіе мотивы на темы о безправіи народныхъ массъ, утѣсненіяхъ бѣднаго люда властями и пр. «красноты», легко находятъ почетное мѣсто въ довѣрчивомъ сердцѣ русской женщины, и, конечно, передаются ея дѣтямъ. Одна моя знакомая съ отличнымъ общественнымъ положеніемъ, всегда либеральничавшая, была очень удивлена, когда арестовали ея сына-студента и, вмѣсто того, чтобы сознаться, что она сама виновата, позволяя себѣ распространяться при дѣтяхъ въ словесной краснотѣ, она бранила наши порядки, т. е. дѣлала то,

что вообще полагается на Руси дѣлать людямъ съ «прогрессивными» взглядами.

Однако «жалостливость», о которой мы говорили, свойственна не одной русской женщинѣ, но и всему русскому народу. Посмотрите, какая масса на Руси нищихъ, кормящихся за счетъ жалостливости другихъ. Въ то время, какъ у народовъ запада, да даже и востока, нищія либо калѣки, либо глубокіе старики, у насъ среди нихъ вы найдете здоровенныхъ мужичищъ, годныхъ къ какой угодно трудовой дѣятельности. Въ Пензенской губерніи, въ Саранскомъ уѣздѣ, есть огромное село Архангело-Голицыно, жители котораго, послѣ уборки хлѣба, занимаются отхожимъ промысломъ—нищенствуютъ: то просто собираются именемъ Христа, то изображаютъ погорѣльцевъ и пр., и къ веснѣ возвращаются домой, привезя порядочно деньжатъ. Въ то время, когда по городамъ нашего востока не увидишь нищаго китайца (они просятъ работы, хотя бы донести купленные вами вещи до вашей квартиры), наши предпочитаютъ разбредаться изъ своихъ деревень, ища не работы, а денегъ, добываемыхъ столь примитивнымъ путемъ, какъ собраніе милостыни. Что говорить—промыселъ хорошій, легкій, а такой-то мы и любимъ.

Вы клевете на русскій народъ, скажутъ мнѣ. Тотъ народъ, который собралъ землю отъ Бѣлаго до Чернаго моря, проникъ въ глубины Азіи, дошелъ на востокъ до Тихаго океана, не можетъ быть лѣнивымъ, слабовольнымъ, бездѣтельнымъ.

Правда, Господь одарилъ насъ талантами не въ примѣръ прочимъ, но мы не пользуемся этими талантами и сознаемся хотя про себя, что мы дѣйствительно малость лѣнивы и инертны. Силь, талантовъ въ насъ хоть отбавляй, но спятъ они и глохнутъ, а пробудятся, то никакой нѣмецъ въ работѣ за нами не угоняется. Въ это я твердо вѣрю. Но, однако, работа обыкновенно спорится у того, кто работаетъ ровно, методично, не надрывая себя, но и не позволяя себѣ лѣниться и нѣжиться.

Русскій народъ давнымъ давно самъ охарактеризовалъ себя самого въ былинномъ героѣ Ильѣ Муромцѣ.

Долго сидѣлъ Илья сиднемъ, никто про него не зналъ, не вѣдалъ, ничего то онъ не дѣлалъ и себя ничѣмъ не проявлялъ: вдругъ калики перехожіе исцѣлили его, поднялся онъ и такихъ дѣловъ понадѣлалъ, что до сихъ поръ дѣла тѣ по былинамъ позаписаны въ назиданіе и поученіе намъ.

Итакъ, жизнь стала трудна, тяжела изъ за разныхъ причинъ, во главѣ которыхъ стоятъ причины экономическія.

Сравнительная доступность внѣшнихъ благъ быстро развиваетъ потребности, причемъ послѣднія возрастаютъ далеко не пропорціонально облегчившейся возможности ихъ удовлетворенія, т. е. аппетиты массъ растутъ быстрѣе. Все это создаетъ ненормальныя условія для жизни. Забыта *простота* жизни, *простыя* развлечения, *простыя* чувства и желанія. Все осложнилось и лишилось патріархальной красоты и простого немудреного счастья.

Культура не сдѣлала массы счастливѣе, да и никакой прогрессъ не достигнетъ этого. Современный французскій крестьянинъ нисколько не «счастливѣе» крестьянина временъ Людовиковъ. Кто знаетъ, можетъ быть, какая нибудь Дуняшка, попадавшая въ прежніе годы наложницей къ помѣщику, была «счастливѣе» современной Дуняши, кончившей курсъ въ благотворительномъ пріютѣ и ненашедшей никакого лучшаго и подходящаго заработка, какъ торговля собою.

Я говорю въ обоихъ случаяхъ *счастливѣе*, а не что либо другое.

Всѣ эти условія общи для всѣхъ націй, для всѣхъ культуръ, но у насъ у русскихъ эти переживанія еще мучительнѣе и тяжелѣе...

Наше ученіе и воспитаніе.

— Ваня! надѣнь пальто, ты простудишься...

— Что это, Петенька, ты не ѣшь: у тебя что болитъ?

— Ахъ, Вася забрался на березу, снимите его, онъ расшибется, упадетъ... Что... привели?... не ушибся?

Вотъ какъ насъ воспитываютъ «хорошія» матери... «Дурныя» сдаютъ прямо на руки наемницъ или наемниковъ. Огромная масса ребятъ растетъ, какъ былинка въ полѣ.

Не будемъ говорить о тѣхъ, которые находятъ первую школу и первыхъ наставниковъ на улицѣ. Изъ оставшихся громадное большинство воспитывается на принципахъ «простудишься, кушай, не свались, сдѣлай такъ, поступи такъ». Все это, конечно, похвально, но когда нибудь начнется же жизнь безъ няньки и безъ постоянной указки... И мы теряемся въ жизни. Мнѣ могутъ возразить, что многіе, выросшіе и въ другомъ режимѣ, вдругъ оказы-

ваются въ жизни несостоятельными. Да, но и они теряются, со-
здаемъ, главнымъ образомъ изъ за непривычки къ пунктуальному
труду, къ исполнительности, къ долгу...

Намъ не говорятъ: «ты долженъ учиться, потому что это твоя
обязанность, что каждый человекъ долженъ что-нибудь изучить и
знать, что нельзя быть тунеядцемъ». Намъ не воспитываютъ и на
героическихъ подвигахъ. Намъ рассказываютъ и читаютъ про са-
мочку Кулибина, про Стефенсона, про Галилея и Ньютона, про
протопопа Аввакума, но рассказа про походы Александра Маке-
донскаго, Аннибала, Наполеона не услышишь въ русской семьѣ:
это не культурно, воспитываетъ варварство и пр. и пр.

Я уже указывалъ, что и въ военномъ дѣлѣ мы потеряли духъ,
душу вопроса, оставивъ ему лишь матеріальныя формы. Тоже
можно повторить и здѣсь. «Механика замѣнила душу. Мате-
риалистическая наука не удѣляетъ души ни міру, ни чело-
вѣку», говоритъ Вагнеръ въ той же уже цитированной мною
книгѣ.

Припомните свои ученическіе годы въ средней школѣ... Не
правда ли что и тамъ механика замѣнила душу?.. Въ тысяча та-
комъ то году случилось то-то... Готфридъ Бульонскій сѣлъ на
коня... Иоаннъ Грозный казнилъ многихъ бояръ... и взялъ Казань...
На сѣверѣ Америки водятся бѣлые медвѣди... Но началась кри-
тика... и люди впали въ другую крайность: по крайней мѣрѣ появи-
лись учебники исторіи, въ которыхъ масса разсужденій объ эво-
люціи разныхъ правъ и опять ни слова о нравственной сторонѣ
вопроса; душа даннаго народа остается по прежнему скрытой:
прежде за долбленіемъ хронологическихъ датъ и внѣшнихъ собы-
тій, нынѣ—за болтологіей по поводу достигнутыхъ результатовъ
общественной жизни, т. е. тоже *внѣшнихъ* ея формъ.

У насъ, словно у китайцевъ, военное дѣло не въ почетѣ, а въ
презрѣніи. Мы поразительно не интересуемся своей арміей и лю-
бимъ даже рисоваться этимъ незнаніемъ. Странное дѣло, на за-
падѣ Россіи любой маленькій жиденокъ вамъ расскажетъ всякія
формы, а въ коренной Руси не знаютъ, какъ отличить кавалериста
отъ пѣхотинца. У западныхъ европейцевъ (не только у нѣмцевъ,
но и у французовъ) любятъ «свою» армію, интересуются ею.
Чтобы ни говорили теперь у насъ о перемѣнѣ отношенія къ ней—
это будутъ только фразы. Незабываемые революціонные годы
ясно показали, какъ относятся у насъ къ военнымъ: отъ русскаго

интеллигента офицеръ только и можетъ дожидаться одного оскорбленія ³⁾...

А про великую «культурную» роль арміи и о томъ, какъ армія живетъ, что дѣлаетъ, какъ обучаетъ и воспитываетъ нижнихъ чиновъ, никто въ «штатскомъ» мірѣ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія.

Вполнѣ понятно, что въ воспитаніи русскаго юношества, внѣ военно-учебныхъ заведеній и внѣ военныхъ семей, вопросъ объ арміи совершенно игнорируется... Такъ есть тамъ какіе то неучи, которые учатъ солдатъ: вотъ все понятіе объ арміи въ «интеллигентной» русской семьѣ. О томъ, что эта армія собрала, а потомъ отстаивала русскую землю, если знаютъ, то только тѣ русскіе люди, которые дѣйствительно люди съ русскою душою и сердцемъ и которые безъ предвзятыхъ идей взяли за прошлое родной страны, но это, обычно, люди дошедшіе до такого сознанія сами, а не подъ вліяніемъ воспитанія.

Теперь у насъ зарождаются «потѣшные», и вся лѣвоватая пресса или пытается вылить на это дѣло побольше грязи, или обходитъ молчаніемъ. Это понятно: организациі потѣшныхъ дадутъ бодрость духа русскимъ дѣтямъ, вложатъ въ нихъ сѣмена преданности Царю и родинѣ, научатъ любить свое прошлое...

Такимъ образомъ, теперь вводятся двѣ поправки въ воспитаніе русскихъ людей: спортъ и привитіе любви къ родинѣ. Если бы второе вошло бы въ среднюю и высшую гражданскія школы, то можно было бы сказать, что многое изъ возможнаго достигнуто. Объ этомъ и поговоримъ ниже.

Воспитаніе любви къ подвигу и къ отечеству.

Я думаю, что ни для кого не тайна, что неразвитые и недочившіеся люди всегда придерживаются крайнихъ воззрѣній, крайнихъ направленій; и не удивительно: прямолинейность примитивныхъ ихъ выводовъ не требуетъ способности размышлять, а готовые простыя формулы быстро укладываются въ некультурную голову. Въ самомъ дѣлѣ, для усвоенія такихъ формулъ, какъ «забирай всю землю», «все разрушай», «не работай» или «бей всѣхъ въ морду» не нужно имѣть въ головѣ многого. На низахъ общественныхъ, въ средѣ полунинтеллигентовъ, а отчасти и у интелли-

³⁾ См. засѣданіе Г. Д. 3 декабря 1911 г.

гентовъ эти простыя формулы въ большомъ ходу. Поднимаясь выше, онѣ замѣняются болѣе сложными, но въ конечномъ результатѣ имѣющими приблизительно ту же цѣль—забрать всю, только не землю, а власть...

— Вы политиканствуете, скажутъ мнѣ. Ничуть не бывало, я не занимаюсь и не интересуюсь политикой, но для меня важно одно: армія должна быть безгранично предана своему Государю и должна быть русскою арміею, т. е. національною. Отсюда—во первыхъ, со всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе подрываетъ преданность арміи ея Верховному Вождю, приходится бороться и во-вторыхъ—необходимо, чтобы въ армію поступалъ здоровый въ нравственномъ отношеніи элементъ, сильный патріотическимъ чувствомъ. Въ этомъ отношеніи создается отличная школа въ лицѣ потѣшныхъ; арміи будетъ дорого не только то, что будутъ поступать на службу молодые люди, нѣсколько подготовленные къ военной службѣ, но главное, что имъ будутъ привиты патріотическія чувства.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ институтъ, кромѣ любви къ отечеству, пробудитъ и любовь къ подвигу, ибо юность всегда прельщается славой, первенствомъ, и только благодаря нашему воспитанію эти инстинкты гложутъ и не развиваются, или развиваются въ нежелательную сторону...

Если въ нашу среднюю и высшую школу вмѣстѣ со спортомъ, гимнастикой и ратнымъ строемъ (къ чему теперь замѣчается стремленіе) войдетъ и патріотическое воспитаніе, то, какъ я уже высказалъ, можно считать, что полъ дѣла сдѣлано.

Необходимо обратить вниманіе на книги для дѣтскаго и юношескаго чтенія. Въ самомъ дѣлѣ, если вы просмотрите эту литературу, то вы найдете массу сочиненій на ту же «жалостливую» тему, къ чему такъ склонны русскіе люди, найдете массу сочиненій съ гражданскими мотивами, нерѣдко окрашенными въ специфическіе красноватые цвѣта, и значительно меньше сочиненій, гдѣ прославляется ратный подвигъ, доблесть, рыцарскія чувства. Даже въ сочиненіяхъ изъ русской исторіи иногда вы найдете ту же дряблость чувствъ, затираніе и умаленіе подвига, одни ужасы битвъ безъ ихъ поэзіи. А между тѣмъ необходимо развивать дѣтскую героическую литературу, а особенно многія чудныя страницы нашей родной исторіи, дающей безчисленное количество примѣровъ подвиговъ, исполненія долга, беззавѣтной любви къ своимъ Государямъ и родинѣ—народа русскаго.

Необходимо оздоровить рассказы изъ русской исторіи отъ ихъ болѣзней послѣднихъ лѣтъ, когда не только въ книжкахъ для чтенія, но иногда и въ учебникахъ, подчеркнуто все мрачное и темное и старательно затерто, затушевано, все свѣтлое, все доблестное... А вѣдь на самомъ дѣлѣ какая масса страницъ захватывающаго интереса, величія души въ нашей родной исторіи!

Настоятельно необходимо воспитывать подрастающее поколѣніе въ любви къ своему прошлому, къ своей современной родинѣ.

Мнѣ представляется зданіе русской школы съ картинами и изрѣченіями на стѣнахъ: Олегъ прибываетъ свой щитъ на вратахъ Цареграда, встрѣча Святослава съ Иоанномъ Цимисхіемъ и его слова къ своей дружинѣ въ Доростолѣ, послѣ смерти Сфенкела и Икмора... и т. д. и т. д. А Ледовое побоище, битва на Невѣ, св. Сергій, благословляющій Дмитрія Донского и отпускающій иноковъ Ослябю и Пересвѣта, Куликовская битва, оборона Пскова отъ войскъ Стефана Баторія, Троицко-Сергіевская лавра въ смутное время, рѣчь Минина и т. д.? Вѣдь если подробно перечислять все, то выйдетъ нѣсколько страницъ однихъ названій... Замѣтки эти появятся въ 1912 году: вспомните, что было 100 лѣтъ тому назадъ. Словомъ по нивѣ русской исторіи нельзя сдѣлать шагу, чтобы не найти перла подвига, преданности и любви къ Царямъ и родинѣ...

Но этого мало: въ школахъ необходимы портреты князей, царей, вождей, великихъ русскихъ людей въ разныхъ областяхъ дѣятельности; наконецъ, картины полярныхъ нашихъ странъ, Кавказа и Крыма, крайняго запада, Туркестана, Сибири, Дальняго Востока—наглядно покажутъ громаду Россіи. Пусть юноша всюду увидитъ или прочтетъ что-либо о своей родинѣ, пусть въ сердцѣ его запечатлѣется: какъ могуча, какъ прекрасна наша родина—свято-русская земля! И тогда онъ воскликнетъ: «я твой сынъ, и тебѣ, родная, я отдамъ всего себя, всѣ свои способности, силы, знанія, а, если потребуется, то и самую жизнь, послѣднюю каплю крови!..»

Вотъ идеалъ, къ какому должны стремиться образованіе и воспитаніе въ нашихъ школахъ и въ семьяхъ...

Тогда... вѣрьте, что и армія—плоть отъ плоти своего народа—будетъ проникнута духомъ свѣтлымъ, радостнымъ, могучимъ, непобѣдимымъ!

Воспитаніе въ арміи. Офицеры. Старое и молодое поколѣніе ⁴⁾

Говорятъ и пишутъ, что офицерскій составъ нашей арміи до сихъ поръ по преимуществу дворянскій по происхожденію и изъ кадетскихъ корпусовъ по среднему образованію. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ, и справедливо, пожалуй, только въ отношеніи специальныхъ родовъ войскъ. Въ пѣхотѣ явленіе совершенно другое. Для примѣра приведу составъ одного пѣхотнаго полка (см. таблицу стр. 17).

Эта таблица показываетъ, что среди старшихъ офицеровъ $\frac{1}{2}$ дворянъ больше, чѣмъ, напр., среди подпоручиковъ, и въ общемъ $\frac{1}{2}$ дворянъ составляетъ менѣе $\frac{1}{4}$ состава (21,1—23,7), тогда какъ $\frac{1}{2}$ офицеровъ изъ низшихъ классовъ довольно ровенъ во всѣхъ чинахъ и составляетъ въ общемъ 40,7%. По общему образованію имѣютъ законченное среднее образованіе всего отъ 27,1 до 30,5%, а по специально военному на долю военно-училищнаго образованія пока падаетъ только около 20%. Но самую любопытную съ моей точки зрѣнія является послѣдняя графа, показывающая, что около 70% (т. е. почти три четверти) офицеровъ есть, такъ сказать, офицеры случайные, не бывшіе до поступленія на военную службу (вольноопредѣляющіе или прямо поступившіе въ училища со стороны) въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (т. е. ни въ кадетскихъ корпусахъ, ни въ прогимназіяхъ), не подготовлявшіеся къ военной службѣ и, скажу отъ себя, никогда о ней не думавшіе.

Если мы вдумаемся въ эти цифры, то невольно сознаемъ, какое громадное значеніе имѣютъ семья, всякія городскія и сельскія школы, среднеучебныя заведенія гражданскаго вѣдомства на подготовку остова арміи—ея офицеровъ.

Я остерегусь отъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ моей таблицы, представивъ дѣлать ихъ самому читателю; скажу только, что примѣромъ мною взятъ полкъ, если не съ отличной, то съ хорошей стоян-

⁴⁾ Я долженъ оговориться. Переходя къ важнѣйшему—къ красугольному камню въ нашемъ военномъ дѣлѣ—воспитанію, и скажу, увы, только нѣсколько словъ и вотъ почему: когда я сталъ разрабатывать эту тему, то она (чтобы быть ясно изложенной) оказалась столь обширной, что ее нельзя вмѣстить въ нѣсколькихъ главахъ и необходимо посвятить ей особое время, особое изслѣдованіе. Выйдетъ ли что изъ моихъ начинаній—не знаю, но здѣсь я поневолѣ лишь намѣчу одними штрихами только нѣкоторые основанія для правильнаго рѣшенія вопроса.

СОСТАВЪ.	По происхожденію:										По общему образованию:							По специально воен. образов.		
	Дворянъ.	Пот. поч. гражданъ. Дѣтей офиц. чиновниковъ и духовен.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Солдатск. дѣтей.	% дворянъ.	% мѣщанъ, крестьянъ и сол. дѣтей.	Домашнее.	Город. и церковн. школы и училища.	Не оконч. курсъ гражд. ср. уч. зав.	Окончивш. воен. прогимн.	Окончивш. гражд. ср. учеб. зав.	Окончив. кадетск. корпусъ.	% офиц. съ законченнымъ ср. образ.	Военныхъ училищъ.	Юнкерскихъ училищъ.	% офиц. съ воен. учил. образ.		
Ч И Н Ы :	7	1	5	—	4	1	2	35,0	35,0	3	2	7	6	1	1	10	1	19	5	
	7	1	6	—	3	2	38,3	38,3	2	2	7	6	2	2	19,5	2	19	9,5		
Очерк. офицеры (Штабъ-оф. и кап.).	7	—	5	—	4	—	29,1	45,8	1	6	8	3	2	4	25,0	5	19	20,8		
Шт.-кап. и поручики	6	1	7	1	3	—	25,0	37,5	2	2	7	2	4	4	33,3	6	18	25,0		
Подпоручики	2	1	5	1	4	—	13,3	40,0	4	2	1	4	4	4	53,3	6	9	40,0		
	1	—	4	1	3	—	7,1	57,1	5	1	2	—	4	2	40,0	3	11	21,4		
Всего	16	2	15	2	12	2	27,1	40,7	8	10	16	9	7	9	27,1	12	47	20,3		
	14	2	17	2	9	2	23,7	40,7	9	8	16	8	10	8	30,5	11	48	18,8		
																		67,8		
																		71,2		

% офицеровъ, не бывшихъ въ военно-учебн. заведеніяхъ до училищъ.

Примѣчанія: 1) Слѣдѣнія даны за два періода времени: въ числитель за одинъ періодъ, въ знаменателѣ — черезъ четыре года.
2) Въ обоихъ случаяхъ въ числѣ неоконченныхъ гражданское среднее учебное заведеніе значится одинъ, неоконченный кадетскій корпусъ.

кой, а вѣдь замѣчено, что въ полкахъ съ хорошей стоянкой составъ офицеровъ лучше. Слѣдовательно мой примѣръ, какъ средній, пригоденъ для выводовъ и обобщеній. Я прошу лишь обратить вниманіе на двѣ данныя этой таблицы:

1) 70% офицерскаго состава до службы не имѣли о ней понятія и почти всѣ изъ нихъ стали офицерами или случайно или, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, имъ легче всего было выбиться на приличную дорогу, именно поступивъ въ военныя (юнкерскія) училища и, окончивъ ихъ, ставъ офицерами.

и 2) что въ то время, когда среди офицеровъ—людей съ законченнымъ среднимъ образованіемъ мало, а съ хорошимъ военнымъ и совсѣмъ мало, среди молодежи окончившихъ среднеучебныя заведенія почти половина (53—40%)

Эти выводы показываютъ, во 1-хъ, какая громадная отвѣтственность лежитъ на всѣхъ начальникахъ, начиная съ младшихъ училищныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ въ полкахъ, ибо необходимо изъ молодого человѣка, принесшаго на службу штатскіе русскіе взгляды, о которыхъ говорено выше, сдѣлать воина и главное воина по духу, и во 2-хъ, что въ данное время замѣчается весьма значительная разница въ составѣ старшихъ офицеровъ и самыхъ младшихъ: среди послѣднихъ все меньше оказывается дворянъ и все больше лицъ съ законченнымъ среднимъ образованіемъ.

Второй выводъ можно формулировать и такъ: среди старшихъ офицеровъ много (38—40%) неудачниковъ изъ дворянъ; большинство тѣхъ же старшихъ офицеровъ съ грѣхомъ пополамъ одолѣли курсъ прежняго юнкерскаго училища (95—90%): вслѣдствіе общей неразвитости они иногда инертны, мало интересуются военнымъ дѣломъ, ибо за его развитіемъ слѣдовать не могутъ, иногда требуютъ мѣръ понужденія, почему стараго закала начальники такъ любятъ разносный режимъ; но, кромѣ этихъ отрицательныхъ качествъ старшихъ офицеровъ, имъ присущи весьма серьезныя положительныя качества: воспитанные въ традиціяхъ, они стоятъ за честь части, за ея традиціи, въ большинствѣ вѣрны и надежны, по своему любятъ военное дѣло и старательно къ нему относятся. Молодежь обратна старшимъ. Развитіе ихъ значительно выше, интересъ къ военному дѣлу больше и шире, но, вмѣстѣ съ симъ, недостатокъ воспитанія дѣлаетъ ихъ иногда нетактичными, даже недостаточно дисциплинированными (особенно, когда не-

тактичный подчиненный ясно сознает свое умственное превосходство надъ своимъ начальникомъ), а современная жизнь и взгляды общества кромѣ того дѣлаютъ молодежь и матеріалистами въ ущербъ духу рыцарства; наконецъ, и они требуютъ также мѣръ понужденія (хотя причины для такихъ мѣръ совершенно иныя, чѣмъ у старшихъ офицеровъ). Однако, я глубоко убѣжденъ, что, если бы командиры частей обратили должное вниманіе на подпоручиковъ, то они могли бы подготовить изъ нихъ прекрасныхъ во всѣхъ отношеніяхъ офицеровъ: преданныхъ долгу, знающихъ и любящихъ военное дѣло; даже возможно переработать современные матеріалистическіе взгляды на службу и привить духъ доблести. Словомъ молодежь представляетъ отличный матеріалъ, но нуженъ зодчій — просвѣщенный, тактичный, выдержанный и, главное, чловѣкъ съ сердцемъ.

Къ сожалѣнію, естественный въ этомъ отношеніи зодчій — командиръ полка, во 1-хъ, не всегда самъ отвѣчаетъ перечисленнымъ условіямъ, а, во 2-хъ, онъ перегруженъ массою дѣлъ важныхъ и неважныхъ; но что еще хуже — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если командиръ и воспитываетъ молодежь хотя бы случайными бесѣдами, то это за «дѣло» не почитается и ставится скорѣе ему въ минусъ, а не въ плюсъ. А жаль. По моему, тутъ то и есть главнѣйшее дѣло командира полка и, говоря опять парадоксально, дѣло болѣе важное, чѣмъ развертываніе полка въ боевой порядокъ и пресловутая «телефонная связь въ бою и на походѣ».

Такимъ образомъ сырой матеріалъ прекрасныхъ качествъ у насъ воспитывается не командиромъ части, а просто жизнью, т. е. самой частью. Благо, если часть сможетъ и сумѣетъ воспитать. Я былъ свидѣтелемъ образчика урока «свѣтскаго» воспитанія старшихъ младшихъ, но, конечно, при желаніи возможно воспитывать и въ важнѣйшемъ — въ долгѣ, въ доблести и пр.

Примѣръ мой слѣдующій: изъ сосѣдняго гарнизона прибылъ полевой поѣздкой командиръ кавалерійскаго полка съ нѣсколькими офицерами. Часть офицеровъ разошлась по знакомымъ, а командиръ полка, старшій штабъ-офицеръ, и три молоденькихъ корнета (не имѣвшихъ въ этомъ городѣ знакомыхъ) были приглашены на обѣдъ къ товарищу командира полка. Когда обѣдъ былъ конченъ, выпить кофе съ ликерами въ гостиной, и послѣ этого прошло ровно столько времени, сколько требовалось приличіями посидѣть въ домѣ, въ который попали въ первый разъ, штабъ-офи-

церь сдѣлалъ корнетамъ едва уловимый знакъ: они сразу поняли и безпрекословно поднялись раскланяться съ хозяевами дома. Знакъ этотъ былъ, однако, замѣченъ послѣдними, и штабъ-офицеръ долженъ былъ объяснить: «командиръ полка занятъ и не можетъ воспитывать молодежь. Я въ полку и старшій и самый старый и считаю своимъ долгомъ давать должное направленіе молодымъ N-цамъ».

Долженъ сказать, что полкъ этотъ издавна славился отличнымъ составомъ. Вотъ, если бы въ каждомъ полку могъ найтись такой штабъ-офицеръ! Слѣшу оговориться: найтись то можетъ и найдется, но необходимо, чтобы онъ захотѣлъ и смогъ заняться этимъ нерегламентированнымъ никакимъ уставомъ дѣломъ. Я отнюдь не считаю внѣшнее свѣтское воспитаніе дѣломъ важнѣйшимъ (хотя и оно не лишнее); я только привелъ примѣръ, который показываетъ, что воспитаніе возможно, а разъ, повторяю, возможно въ одномъ отношеніи, то почему ему не быть и въ другомъ. Но во всякомъ случаѣ воспитателемъ духа молодежи долженъ быть командиръ полка.

До выхода въ офицеры молодежь учится въ специальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Изъ моей таблицы видно, что ⁰/_о бывшихъ въ кадетскихъ корпусахъ и даже военныхъ прогимназіяхъ слишкомъ ничтоженъ (32,2—28,8⁰/_о), а если исключить изъ этого числа воспитанниковъ прогимназій по слишкомъ малому возрасту, могущему оказывать сколько-нибудь значительное вліяніе на будущее міровозрѣніе и наклонности молодежи, то бывшихъ кадетъ окажется всего 15—13⁰/_о. Отсюда для войсковыхъ частей въ интересующемъ насъ смыслѣ являются главнѣйшими не кадетскіе корпуса и прогимназій, а училища военныя и юнкерскія.

Сюда должны быть выбираемы офицеры весьма осмотрительно изъ числа людей, могущихъ дѣйствительно воспитывать молодежь во всѣхъ отношеніяхъ.

Итакъ вотъ первые воспитатели духа будущихъ офицеровъ.

Гг. офицеры училищъ, вдохните въ вашихъ питомцевъ воинскій духъ, духъ безпредѣльной преданности Верховному Вождю, вѣрности, доблести, благородства, рыцарства! Воспитывайте въ благородствѣ!

Продолжать ваше дѣло будетъ войсковая часть, и, повторяю, хорошо было бы и даже необходимо, чтобы за это взялся самъ командиръ части.

Какъ вести это дѣло — частность, зависящая отъ индивидуаль-ныхъ свойствъ призванныхъ къ дѣлу лицъ, а основанія, на кото-рыхъ оно должно вестись, читатели моихъ замѣтокъ, вѣроятно, уже опредѣлили сами, почему на этомъ я больше останавливаясь пока не буду.

Воспитаніе въ арміи. Нижніе чины.

Если обращено должное вниманіе на соотвѣтственное воспи-таніе офицеровъ, то вопросъ о воспитаніи нижнихъ чиновъ почти разрѣшается самъ собою, ибо нижніе чины всегда идутъ за пред-водителемъ.

Нижній чинъ — не только солдатъ, но и молодой, живой, инте-ресующійся жизнью, человѣкъ. Нельзя отгородить его отъ жизни китайскою стѣною: слѣдовательно, онъ такъ или иначе будетъ по-лучать свѣдѣнія о всемъ происходящемъ не только отъ офицеровъ, но еще больше со «стороны». Необходимо, чтобы эти получаемыя со стороны свѣдѣнія не вредили дѣлу воспитанія солдата. Для этого нужно широко развить бібліотеки какъ ротныя (эскадрон-ныя, батарейныя), такъ и особенно полковыя при солдатскихъ лавкахъ, ибо нижній чинъ, какъ вообще всякій мало культурный человѣкъ, имѣетъ великое довѣріе къ печатному слову, а потому направленіе выписываемыхъ газетъ, журналовъ и книгъ несо-мнѣнно кладетъ отпечатокъ на настроеніе читателей.

Значеніе чтенія въ дѣлѣ воспитанія вообще громадно, но въ отношеніи нижнихъ чиновъ это почти все. Надо считаться съ пси-хологіею солдата: если онъ услышитъ что-либо отъ офицера, онъ въ душѣ не придастъ слышанному достаточнаго значенія (го-вори, молъ, себѣ, а мы тоже сами слышали); а вотъ, когда онъ прочтетъ напечатанное, тогда другое дѣло («что же это ты бол-таешь, смотри, вишь, что напечатано»... это аргументъ вѣскій).

Итакъ, поощряйте чтеніе, измышляйте все, чтобы занять досугъ солдата полезными развлеченіями въ предѣлахъ части (въ своихъ казармахъ, въ своемъ лагерѣ); устраивайте игры, спектакли, прио-хотьте людей къ спорту. Нужно, особенно, развить эту «охоту», а то я знаю примѣръ: по воскресеньямъ въ лагерѣ отъ 4-хъ часовъ полагались игры съ выдачею недорогихъ призовъ, и вотъ съ трехъ часовъ начинаютъ въ ротахъ, гдѣ усердные фельдфебеля, разда-

ваться возгласы: «эй, пошелъ, выходи всѣ на игры», и вылѣзаютъ изъ палатокъ солдатики, заспанные, потягиваются.... и, вѣроятно, ругаются.

Итакъ, дѣло-то хорошее, а способъ примѣненія нельзя сказать, чтобы былъ особенно удаченъ. «Казенно» какъ то все выходитъ, «бездушно».

Надо сдѣлать спортъ и развлеченія во-первыхъ интересными, а, во-вторыхъ, чтобы они служили всецѣло дѣлу воспитанія солдата.

Вторая сторона вопроса воинскаго воспитанія, на которую я хотѣлъ бы обратить вниманіе, заключается въ томъ, чтобы подготовить смѣлаго, расторопнаго благороднаго воина-солдата. Какъ ни покажется странно и, можетъ быть, даже парадоксально, но я позволю себѣ утверждать, что грязный, неряшливый солдатъ, зѣвающій на улицѣ, не отдающій какъ слѣдуетъ честь, плохо воспитанъ и именно въ воинскомъ смыслѣ. Попробуйте такого остановить на улицѣ: онъ непременно сдѣлаетъ попытку удрать или соврять. Надо воспитывать мужество отвѣчать за свои, даже дурные поступки.

Какъ правильно воспитать въ этомъ отношеніи—не можетъ быть примѣровъ и шаблоновъ: это зависитъ отъ свойствъ характера. Одному удавалось достигать хорошихъ результатовъ однимъ способомъ; другой, можетъ быть, достигнетъ инымъ. Вотъ причина, почему я, указавъ на эту другую сторону воспитанія нижнихъ чиновъ, на этомъ и закончу настоящую главу.

Послѣднее слово о воспитаніи.

Я далеко не сказалъ всего, что хотѣлъ, по поводу воспитанія какъ общаго, такъ и специально воинскаго, объяснивъ одну изъ причинъ этого въ соотвѣтствующей выноскѣ. Но мои эпитафии и цитаты, особенно изъ книги Вагнера, дополняютъ и освѣщаютъ мои идеи. Я же буду очень счастливъ, если своими замѣтками направлю мысль болѣе молодыхъ и болѣе талантливыхъ изслѣдователей въ сторону забываемаго нынѣ духа и въ сторону общихъ причинъ.

Придавая огромное значеніе «обученію», мы невольно размѣ-
пиваемся на мелочи и упускаемъ важнѣйшее: духъ войскъ, ихъ
воспитаніе. Работа антигосударственныхъ элементовъ идетъ, массы
революціонируются и арміи надо съ этимъ считаться, надо
сумѣть перевоспитать поступающій въ части элементъ. Это ра-
бота почтенная, а главное необходимая, необходимая не только
какъ средство воспитать армію вѣрную, но и въ специально воен-
номъ смыслѣ: только при высоко развитой духовной сторонѣ
возможны тѣ героическія усилія, которыя требуются отъ военныхъ
на войнѣ.

Коснувшись духовной стороны, говоря и выдвигая все время
ее во главу угла, я не могу обойти молчаніемъ, что истинными
воспитателями являются не мелочные и придирчивые начальники,
а популярные....

«Популярный» не значить непременно слабый и потакающій
низменнымъ инстинктамъ. Напротивъ, очень многіе требователь-
ные и очень строгіе начальники бываютъ популярны. Это высшій
даръ и, добавлю,—необходимый для вождя.

«.... Все пришло въ движеніе; ружья начали стрѣлять;
затрещалъ бѣглый огонь; забили барабаны — откуда взялась
сила у людей....» (Суворовъ на Треббѣи). Развѣ это сдѣлала
не популярность вождя? Развѣ могъ не популярный вождь, посы-
лая войска на вѣрную смерть, слышать изъ устъ отправляемыхъ
могучее «ура»? (Скобелевъ).

Нельзя дать рецепта, какъ сдѣлаться популярнымъ: этого до-
стигаетъ то строгій и требовательный, то мягкій и даже слабоватый
человѣкъ, но тотъ и другой долженъ имѣть сердце. Такъ или иначе,
но популярности.... достигаютъ.

Итакъ закончу: не будьте мелочны, отдавая мелкія дѣла мел-
кимъ начальникамъ, воспитывайте вашихъ подчиненныхъ въ чув-
ствѣ долга, воспитывайте въ духѣ вѣрности Престолу и Отечеству,
въ духѣ рыцарства, благородства, въ духѣ любви къ нашей общей
матери—свято-русской землѣ!

Не изгоняйте поэзію изъ военной жизни и службы, не увле-
кайтесь мертвой формой въ ущербъ живительному духу, а главное
побольше сердца, котораго такъ мало стало теперь....

Начальникъ—отецъ! Какая въ этой фразѣ кроется глубокая
психологія и какая чудная поэзія!

Не заглушайте чувства, не заглушайте голоса сердца даже разными справедливостями, вѣрнѣе псевдо-справедливостями.

Г.г. начальники!... пусть при видѣ васъ сердца вашихъ подчиненныхъ радостно бьются, и они—ваши подчиненные—воскликнутъ въ восторгѣ: «съ тобой, отецъ, готовы мы на смерть, въ огонь, куда велишь!»

Если вы — вожди добились этого, то вы истинно вожди, и побѣда не далека отъ васъ.

Наэль.

